

АЛЕКС УРСА

**КЛЮЧ К
УБИЙСТВУ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 2 84(2Рос=Рус)6-44
У72

Иллюстрация на обложке *Натальи Ковнер*

Урса, Алекс.
У72 Ключ к убийству / Алекс Урса. — Москва : Эксмо,
2025. — 480 с. — (Открытие с пятнами крови).

ISBN 978-5-04-211216-4

В Париже убивают известного музыкального продюсера Ксавье Седу. Череп несчастного расколен боевым топором из его собственной коллекции средневекового оружия, а в кулаке трупа сжат антикварный ключ.

На месте преступления полиция обнаруживает Анжело Бертолини — рок-певца, которого Седу прославил на всю Францию. Анжело оказывается единственным подозреваемым. Но на оружии нет его отпечатков, а в ходе допроса он признается, что не помнит момент убийства, и опознает лишь ключ, заявляя, что тот принадлежит ему.

Интуиция подсказывает следователю, что любимый всеми певец с ангельским голосом невиновен. Чтобы найти необходимые доказательства и раскрыть тайну старого ключа, полицейский отправляется на родину Бертолини. И там, в маленьком итальянском городке, вдруг вскрываются до жути неприглядные секреты рок-звезды, которые продюсер тщательно скрывал от общественности на протяжении многих лет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211216-4

© Урса А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

«Тише! Не бойся, это всего лишь я. Не включай свет и говори шепотом. Он может услышать. Я хочу тебя кое о чем попросить. Это важно. Я хочу, чтобы ты запомнил. Слушай меня внимательно. От этого зависит многое. Видишь ключ? Возьми его. Запирай им свою дверь. Всегда. Понял? Всегда закрывай дверь на ключ. Обещай мне! И храни его как зеницу ока. Не потеряй. Всегда держи при себе и никому не отдавай.

Мне нужно уехать. Нет, не плачь, пожалуйста! Мне правда нужно. По-другому никак. Ты многого не знаешь. Но я вернусь к тебе. Я обещаю! Неужели ты мне не веришь? Я обязательно вернусь! Ну как я могу тебя оставить? Ты все, что у меня осталось в этом гребаном мире. Ты только меня жди. Жди и не забывай. И молись за меня. Я уже забыл, как это делается. Я не верю. Давно не верю. А ты еще можешь. Ты чистый. Молись и жди.

И еще. У тебя есть музыка. Не забывай музыку. Это то, что навсегда останется с тобой.

Что бы ни случилось в жизни и как бы дерьмово тебе ни было, никогда не забывай про нее. Она живет внутри тебя. Твою музыку никто не сможет отнять, потому что ее слышишь только ты. Через нее выплескивай свою боль. Кричи своей музыкой, обрушь ее на головы людей, растормоши, заставь очнуться и выйти из сытой спячки. Расскажи, как хреново иногда бывает. Если они не верят словам, пусть поверят мелодии. Конечно, поверят. Твоей музыке поверят все. Рано или поздно им придется тебя выслушать, и тогда они склонятся перед тобой. Потому что ты — ангел. Солнечный ангел.

Ну вот и все. Мне пора. Не забывай главное. Всегда закрывай дверь на ключ.

Ключ.

Ключ...»

ГЛАВА 1

Настойчивые гудки автомобильного клаксона насильовали Франсуа Морелю мозг. Сигнал не прерывался ни на секунду. Какой-то му-дак пытался привлечь его внимание во что бы то ни стало.

«Ну что за урод!» — подумал Франсуа, с трудом разлепляя веки и пытаясь сообразить, где он. В следующую секунду взгляд сфокусировался на мигающем зеленом сигнале светофора, и Франсуа прошиб холодный пот. «Черт! Я заснул за рулем!» — сообразил он, просыпаясь окончательно. Водитель такси, пожилой араб, отчаялся ждать, когда преграждающий путь белый «Ситроен» сдвинется с места, и пытался объехать его справа, не прекращая при этом жать на гудок.

Франсуа поднял обе руки в примирительном жесте, но красный от гнева водитель показал ему средний палец и отвернулся. Оставалось только опустить стекло, впуская в салон свежий утренний воздух, и утопить педаль газа, спеша скрыться

с места своего позора. Мысль о том, что минут через десять он доберется до своего кабинета и сможет вздремнуть часок, устроившись в крутящемся кресле и положив ноги на стол, слегка успокаивала. Не бог весть что, но шансов выспаться там у Франсуа было больше, чем в собственной квартире, по которой, как сомнамбула, передвигалась жена Тамара, баюкая их полугодовалого сына Вадима, которого которую ночь мучили то ли зубы, то ли колики — Франсуа уже не пытался понять, что именно. Несмотря на то что, готовясь к пополнению семьи, они с Тамарой перечитали тонну новомодной специализированной литературы и даже ходили на курсы, после рождения малыша Вадима стало понятно, что ребенок совершенно не похож на младенца из рекламы памперсов. Его существование сводилось к тому, что он ел, спал и орал. И к последнему Морель оказался не готов. Потому что орал Вадим постоянно.

Сегодня утром мальчик, которому на днях исполнялось семь месяцев, опять разбудил родителей в пять утра. И пока Тамара кормила малыша и ворковала над ним, уговаривая еще чуть-чуть поспать, Франсуа буркнул, что ему нужно на работу пораньше, и позорно сбежал из дома, даже не выпив кофе. На самом деле его заветной целью было добраться до личного кабинета, который по размеру не превышал пяти квадратных метров и был завален до потолка протоколами допросов, папками с всякими, ордерами, выписками из банковских счетов подозреваемых и криминальными

КЛЮЧ К УБИЙСТВУ

сводками. Там Франсуа надеялся покемарить часок до прихода коллег. И вот, не доехав буквально пару кварталов, заснул прямо на светофоре, пережидая красный свет, чем вызвал шквал справедливой критики со стороны местного таксомоторного парка.

«Утро определенно не задалось», — подумал Франсуа, все же предвкушая долгожданный покой. Между тем его мечтам суждено было разбиться о суровую реальность. Еще одним подтверждением несовершенства бытия стал звонок мобильного. Франсуа напрягся. Звонок в такую рань мог означать только одно.

— Я не разбудил тебя, Цветочек? — вежливо поинтересовался из трубки шеф Франсуа, комиссар и начальник отдела уголовной полиции Паскаль Солюс. Вежливость была его отличительной чертой. С этой самой ледяной вежливостью Солюс колот самых матерых преступников. Франсуа вспомнил, как, увидев Солюса в первый раз, подумал, что этому ухоженному мужчине средних лет с идеальной прической и выразительным лицом следует играть благородных аристократов в мюзиклах, но скоро вынужден был поменять свое мнение. Вот и сейчас у Франсуа внезапно мороз пробежал по коже от вежливого вопроса комиссара. Впрочем, вполне вероятно, дело было в свежем утреннем воздухе. Франсуа поспешил поднять стекло в машине.

— Все в порядке, шеф, — бодро отрапортовал он. — Подъезжаю к конторе.

— Вот и молодец, — похвалил Солюс, ничуть не удивившись тому, что Франсуа почти на рабочем месте в полшестого утра. У всех полицейских было особое представление о том, чем следовало заниматься в то время, когда нормальные граждане только собираются продира́ть глаза. — У нас убийство в шестом округе. Дуй туда, малыш. Твой дружок Басель уже там. Он введет тебя в курс дела.

Сон откладывался на неопределенный промежуток времени. Одно радовало: по крайней мере, Франсуа не пришлось пилить на другой конец города. Покойник оказал ему услугу и очурился практически напротив здания криминальной полиции Парижа. «Если удастся еще и кофе раздобыть в такую рань — я поцелую боже́ньку в задницу», — подумал Франсуа.

Прибыв по продиктованному Солюсом адресу, Франсуа обнаружил целых два бонуса. Во-первых, его напарник Басель Ромм действительно ждал на месте. Ну а во-вторых, в руках у него Франсуа заприметил бумажный стаканчик со знакомой бело-зеленой эмблемой «Starbucks». Басель стоял на тротуаре, широко расставив ноги, и зевал во весь рот. Черные, выющиеся проволокой волосы были, как всегда, не по уставу туго затянуты в аккуратный хвостик, а вот одежда на нем была вчерашняя, к тому же существенно помятая, из чего Морель сделал вывод, что Басель опять ночевал у очередной подружки. Но даже при том, что Басель был изрядно потрепан и, вполне возможно, до сих пор нетрезв, он умудрялся излучать

позитивную энергию и любовь к жизни в радиусе километра. Балагур и приколист, бабник и пройдоха — он был полной противоположностью правильного и спокойного Франсуа, что не мешало им долго и продуктивно работать в одной упряжке. Они словно дополняли друг друга. Увидев белый «Ситроен» Мореля, напарник бешено замахал свободной рукой, показывая удобное место под парковку, которое он охранял для приезда Франсуа, распугивая всех желающих занять его своим трехцветным удостоверением лейтенанта полиции. Экспрессивно жестикулируя, он чуть не пролил на свой пиджак чудесным образом добытый в такую рань кофе.

— Уже встал, дорогой? — заботливо поинтересовался Франсуа, аккуратно расцепляя пальцы Баселя на стаканчике с кофе и конфискуя его.

— Еще не ложился, — ослабил всегда веселый Басель, — и, между прочим, это мой кофе. А ты, насколько я знаю, не любишь капучино.

— А это капучино? — удивился Франсуа. — Готов поспорить, в месте, где ты его взял, он не сильно отличается от латте или эспрессо.

Басель хотел что-то возразить, но, оглядев Франсуа с ног до головы, передумал.

— Что у нас там? — кивнул Франсуа в сторону подъезда.

— О, ты не в курсе?! — простонал Басель. — Старик Солюс тебе не сказал? Так мне надо было подготовить презентацию и расписать все в деталях?

— Сделай одолжение, прикрой фонтан своего остроумия и излагай мысли попроще. Ты же видишь, я пока не в состоянии воспринимать твой искрометный юмор, — проворчал Франсуа, делая первый глоток мутной бурой жижи из бумажного стаканчика.

— Можно и попроще, — добродушно согласился Басель. — Убили Ксавье Седу.

— Того самого? Продюсера «Панацеи»? — пришла пора удивиться Франсуа.

— Того самого. Он здесь живет, — кивнул Басель на окна третьего этажа и поправился: — То есть жил.

— Подозреваемые есть? — деловито поинтересовался Франсуа.

— Один. Но зато какой! — сладострастно простонал Басель и показал глазами куда-то через дорогу.

Франсуа машинально повернулся в указанном направлении и уперся взглядом в рекламный билборд на противоположной стороне улицы. Мужчина на афише прислонился лбом к грифу гитары на манер Антонио Бандераса в *Desperado*. На его покрытом испариной лице была смесь отчаяния и агрессии. Сплошной ходячий секс. Обложку этого альбома знала вся Франция. Франсуа поперхнулся. Струйка кофе стекла из уголка его рта на светло-бежевое пальто.

— Да ладно! — не поверил он, шаря по карманам в поисках салфетки.

КЛЮЧ К УБИЙСТВУ

— Ага. Ангел. То бишь Анжело Бертолини, — подтвердил довольный его реакцией Басель и принялся излагать обстоятельства дела: — Они прибыли сюда на квартиру Седу около часа ночи. В час тридцать соседка снизу проснулась от диких воплей и грохота и вызвала полицию. Взломали дверь. А там картина маслом. Он даже скрыться не пытался. Сидел на полу и держал голову Седу у себя на коленях.

— И где он сейчас? — поинтересовался Франсуа.

— Уже увезли, — с готовностью ответил Басель.

— Сознался? — с надеждой закинул удочку Франсуа.

— Даже если нет, — пожал плечами Басель, — дело ясное. Квартира закрыта изнутри. Этот Бертолини весь в кровище Седу. Мы, конечно,ждемся полного отчета с места происшествия, но я тебе и так скажу: на орудии убийства сто пудов его пальчики.

— А чем он его, кстати? — поинтересовался Франсуа, допивая кофе напарника и комкая бумажный стаканчик.

— Сейчас увидишь, — ослабил Басель, — не скажу. Хочу на выражение твоего лица посмотреть. — И он сделал приглашающий жест в сторону подъезда.

— Охрану выстави, — посоветовал Франсуа, берясь за бронзовую ручку входной двери, — через полчаса здесь подыху не будет от журналистов.

Он секунду помедлил, прежде чем зайти в подъезд. Над Парижем занималось прекрасное, ослепительное летнее утро. Солнце окрашивало постройки бульвара в розовый цвет. Воздух еще был свеж и благоухал цветами из Люксембургского сада.

— Кстати, а почему «Ангел»? — спросил он у Баселя, выискивая глазами урну.

Басель лениво пожал плечами:

— Говорят, у него татуировка крыльев на лопатках...

— Ты-то откуда знаешь? — проворчал Франсуа, запуская смятым стаканчиком из-под не оправдавшего ожидания кофе в мусорный бак. Жадно втянул в себя кислород напоследок. Потом решительно дернул дверь парадной и шагнул в темный проем. Впереди его ждали только смерть и тлен.

* * *

Жизненная программа Франсуа Мореля выглядела так: стать блестящим детективом криминальной полиции, любящим сыном и мужем, а также заботливым отцом. И со всеми тремя пунктами что-то пошло не так.

Он родился в благополучном семнадцатом округе Парижа и был обожаемым единственным ребенком в семье. Его детство не было отмечено никакими выдающимися событиями. Обычный кареглазый, с шапкой темных волос, милый, чуть застенчивый мальчик, каких много. Он хоро-

шо успевал в школе, играл в футбол и в свободное время музицировал на гитаре. Отец, крупный финансист, и мать, светская львица, мечтали видеть сына в Сорбонне, но в семнадцать лет он вдруг решил изрядно потрепать им нервы своим желанием стать рок-музыкантом. Сколоченная им музыкальная группа исполняла, по их собственному выражению, психоделический рок. На деле они коротали дни за косяком и бренчанием на гитарах, перебиваясь случайными заработками в пригородных клубах. После этого периода жизни решение Франсуа стать полицейским показалось родителям благословением господним. Облегчение их было так велико, что они не стали докапываться до причин столь резкой перемены в их сыне.

Пройдя конкурсный экзамен и проучившись положенный срок в Высшей специализированной школе, Франсуа быстро двинулся вверх по карьерной лестнице. И все бы ничего, если бы не слишком цветущий юный вид. В свои тридцать лет он все еще умудрялся выглядеть как юноша: сияющий цвет лица, ясные глаза и открытое, несмотря на профессию, восприятие жизни. За все это он и получил от острых на язык коллег нежное прозвище Цветочек. Чтобы исправить положение, Франсуа стал одеваться в пальто на размер больше, короче стричь волосы и старался хмуриться чаще, чем этого требовала ситуация. Полицейским, надо отдать должное, он был хорошим. В положенный срок он стал детективом крими-

нальной полиции и удостоился собственного кабинета в святая святых уголовной полиции Парижа на набережной Орфевр, 36.

Его жена Тамара была прелестной молодой женщиной, также происходящей из хорошей семьи средних французских буржуа. Темноволосая, гибкая, сладкая, как ириска, она несколько лет назад напрочь лишила Франсуа сна и покоя. В свое время она попробовала себя в качестве танцовщицы, манекенщицы и немного актрисы, но с облегчением бросила все, выйдя замуж. Не без помощи старшего поколения они сделали первый взнос за небольшую, но светлую и симпатичную квартиру в шестнадцатом округе и, спустя два года после свадьбы, стали родителями малыша, которого, поспорив слегка, решили назвать Вадимом.

О спокойном сне Франсуа пришлось забыть практически сразу же. Измученная Тамара, набравшая за время беременности лишние восемь килограммов, уже через пару месяцев после родов похудела так, как ей не удавалось в бытность работы моделью. Под ее глазами от постоянного бодрствования залегли черные круги. Она опустила руки и, чтобы хоть как-то высыпаться, стала забирать ребенка в их с мужем постель, постепенно выселив оттуда супруга. Теперь Франсуа спал в гостиной на неудобном диване.

Следующие несколько месяцев ребенок провел у Тамары на руках. Она начала употреблять в своей речи выражения: «Мы покушали», «Мы помылись», «Мы поспали», и Франсуа видел — когда

она говорит так, то действительно имеет в виду именно это. Поесть она могла только на бегу, не выпуская ребенка из рук, а спала тогда, когда спал Вадим. Франсуа забыл, когда они последний раз занимались любовью. Он видел, Тамара вымотана до предела. Ему было жаль жену, но он не знал, чем ей помочь. Семейный врач мадам Бонапри, внимательно обследовав Вадима, уверила их, что с малышом все в порядке. Но младенцы бывают разные и им, по счастью, попался довольно активный экземпляр. «Через полгода станет полегче», — с улыбкой гарантировала врач, но Франсуа не был уверен, что доживет. Его мучило чувство беспомощности. Несколько раз он пытался взять сына на руки и успокоить, но сам впадал в еще большую панику и истерику, чем малыш. Ребенок был такой хрупкий, что Франсуа боялся его повредить ненароком или сделать что-то неправильно. Он уговаривал себя, что его время еще не пришло и что через пару лет он с удовольствием погоняет с сыном в футбол, а пока единственное, что он смог сделать, — это посоветовать супруге нанять няню или, на худой конец, пригласить погостить тещу. Но Тамара уперлась. Для нее это было делом принципа. «Если я не могу справиться с собственным ребенком, то что я за мать?! — патетически восклицала она. — У некоторых вообще двое-трое детей — и ничего». При этих словах Франсуа поплохело. И, окончательно отчаявшись взять под контроль ситуацию в семье, он решил полностью погрузиться в работу. Тем